DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-45-51
УДК 811.161.1

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ В СВАДЕБНЫХ ПРИЧИТАНИЯХ ПИНЕЖЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИИ «ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ ПИНЕЖЬЯ»)

© Ван Лолань

PRAGMATIC ANALYSIS OF APPEALS IN THE WEDDING LAMENTATIONS OF PINEGA (BASED ON THE PUBLICATION "RITUAL POETRY OF PINEGA")

Wang Luolan

A wedding lamentation, one of the oldest folklore genres, is a poetic improvisation of the bride in accordance with the defined traditional patterns. The article presents the characteristics of appeals in the wedding lamentations of Pinega by means of statistical and comparative analysis. In wedding lamentations, the address has a high artistry, expressiveness and is distinguished by its stereotyped and fixed forms in comparison with the address used in spoken speech. The form of appeals and the response to it are conditioned by generally accepted social conventions. The choice of appeals depends on the presupposition of the speaker about their social relations, and the reaction to the appeal is determined by the presupposition of the addressee. In wedding lamentations, the bride's speech loses its power, i.e. it does not trigger an appropriate action or response from the addressee. This phenomenon is justified by the fact that before the wedding, the social status of the bride is in the process of transition, the established relations of the bride with others are subject to change. The object of our research is the appeal in Pinega wedding lamentations, its pragmatic meaning acts as the research subject. The purpose of our research is to identify the characteristic features of the appeal in Pinega wedding lamentations. Researching appeals in wedding lamentations makes it possible to see how traditional symbolic practices (ceremonies and ritual speeches) help people adapt to new social roles.

Keywords: pragmatic characteristics of appeals, wedding lamentations of Pinega, statistical analysis, comparative analysis, transformation of the bride's social status.

Свадебное причитание, один из древнейших фольклорных жанров, представляет собой поэтическую импровизацию невесты в соответствии с определенными шаблонами, заданными традицией. В статье представлены характеристики обращений в свадебных причитаниях Пинежья, выявленные при помощи статистического и сопоставительного анализов. В свадебных причитаниях обращение обладает высокой художественностью, экспрессивностью и отличается своей стереотипностью и закреплённостью форм по сравнению с обращением в спонтанной речи. Форма обращения и ответная реплика адресата обусловлены общепринятыми социальными конвенциями. Выбор обращений зависит от пресуппозиции говорящего, а реакция на обращение определяется пресуппозицией адресата. В свадебных причитаниях речь невесты теряет свою силу: она не вызывает соответствующего действия или ответа от адресата. Это связано с тем, что социальный статус невесты находится в процессе трансформации, установленные отношения невесты с окружающими подвергаются изменению. Объектом нашего исследования является обращение в свадебных причитаниях Пинежья, а в качестве предмета выступает его прагматический смысл. Цель заключается в выявлении прагматических характеристик обращения в свадебных причитаниях Пинежья. Исследование обращений в свадебных причитаниях даст нам возможность увидеть, как традиционные символические практики (обряды и ритуальная речь) помогают людям адаптироваться к новым социальным ролям.

Ключевые слова: прагматические характеристики обращений, свадебные причитания Пинежья, статистический анализ, сопоставительный анализ, трансформация социального статуса невесты.

Введение

Начиная с 70-80 гг. XX века в области лингвистики наблюдается рост интереса к изучению

функционирования языковых единиц в коммуникативных актах. Обращения, которые «составляют самый многочисленный, употребительный

и семантически веский разряд коммуникативных единиц» [Балакай, с. 4], становятся одним из важнейших объектов лингвопрагматики.

Традиционно под обращением понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, к которому адресована речь» [Лингвистический энциклопедический словарь, с. 304]. В современном русском языке обращение принято выражать именем собственным, нарицательным существительным (*девушка, мужчина, ребята* и т. д.), прилагательным или причастием (*дорогой, уважаемый* и т. д.), а также терминами родства.

Обращение представляет собой особое языковое явление, его семантика и прагматика вызывают устойчивый интерес ученых в различных областях науки. Исследования, главным образом, сосредоточены на следующих трех аспектах обращения: его прагматических функциях, семантических референциях и эмотивных коннотациях.

По поводу прагматических функций обращений, несмотря на различия в классификации, разные ученые сходятся на том, что обращение задаёт определенную тональность для последующего высказывания (см.: [Кучинский, с. 22], [Кожухова, с. 83], [Адоньева, с. 257] и др.), оно не только выполняет идентифицирующую и апеллятивную функции, но и эмотивную и оценочную (см.: [Кожухова, с. 82–83], [Балакай, с. 7–14], [Федулова, с. 239–241], [Проничев, с. 60–68] и др.).

По поводу семантической референции обращения замечание С. Б. Адоньевой проливает свет на имманентные связи между обращением и социальными конвенциями. По замечанию ученого, референтом обращения является не адресат речи, а тип отношений (конвенция), который вырабатывается социумом в качестве гаранта для социальной интеракции [Адоньева, с. 264–266]. Обращение принуждает отвечающего вести себя заданным образом, которым принято действовать в данной социальной роли. «И когда адресат отвергает избранное обращение, он выражает отказ от предложенного типа взаимодействия (какой я тебе батя!)» [Там же, с. 266]. Таким образом, можно сказать, что выбор определенного обращения в значительной степени определяет способ и результат воздействия на адресата.

В современном обществе человек одновременно исполняет много социальных ролей и обладает различными статусами. Выбирая определенное обращение к адресату, говорящий учитывает не только персональные характеристики ад-

ресата (социальный статус и роль), но и статусно-ролевое соотношение между адресантом и адресатом, а также характеристики коммуникативной ситуации. Выбор говорящим определенного обращения зависит от того, насколько эффективно он хочет воздействовать на предназначенного адресата.

Свадебные обряды и фольклор в прошлом служили социальным институтом, который был выработан социумом для регулирования социальных отношений и внутренних конфликтов человека при смене социального статуса. Лексика, обозначающая социальный статус участников свадьбы, и особенно те лексемы, которые используются в качестве обращения, имеют важный смысл в этом отношении.

Общие характеристики обращений в свадебных причитаниях

Обращения в свадебных причитаниях по преимуществу соответствуют общепринятым языковым канонам и речевому этикету, но при этом имеют свои особенности.

Во-первых, в свадебных причитаниях категория обращений шире, так как, кроме вышеуказанных видов лексем, номинации «свадебных чинов» тоже используются как обращения. Более того, обращения обычно выражаются устойчивыми словосочетаниями *эпитет + лексема*, обозначающими социальный статус человека (*красная девушка, родимый татонька, молодой князь* и т. д.), редко выражаются одиночным словом (*девушка, татонька* и т. д.), что часто встречается в устной речи.

Во-вторых, за обращением очень часто следуют пояснительные выражения, то есть метафорическое употребление названий животных, предметов, природных явлений: *белая лебедь, красное солнышко, голубой голубочек* и т. д.. Такие метафорические выражения можно рассматривать как органичный состав обращений [Федулова, с. 239–242] или же как отдельные добавочные конструкции, то есть приложения. В нашей статье мы рассматриваем такие метафорические выражения как приложения.

В-третьих, для усиления того или иного эмоционального оттенка перед обращением употребляются личное местоимение и эмоциональные междометия. Личное местоимение используется вместе с обращением, и оно обычно предшествует обращению (*Уж ты родитель мой батюшка, уж пожалей-ка меня да пожалуйста* [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 35]). Таким образом, в свадебном причитании обращение сочетается с личным местоимением, эмоциональными междометиями, метафорическими

выражениями, образуя лексико-семантический комплекс, который позволяет не только показать социальный статус адресата и социальные отношения между адресатом и адресантом (между невестой и участниками свадьбы), но и одновременно осуществить эмоциональную оценку этих отношений. Место обращения в высказывании несет определенное значение, оно обусловлено иллокутивными функциями речи и замыслом говорящего и определяет словоформу обращений. Как правило, в начальной позиции обращение оказывается комплексным, многословным, а в середине речи используется краткое обращение (одиночное слово).

В своей статье Т. В. Нестерова различает вокативы с минимальной степенью прагматичности и вокативы-экспрессивы (вокативы с максимальной степенью прагматичности). Первые из них обычно используются для установления контакта в нейтральной ситуации, а вокативы-экспрессивы характерны для выражения эмоций [Нестерова, с. 15–16]. В свадебных причитаниях, на наш взгляд, обращение используется не только для установления и поддержания контакта, но и для выражения эмоциональной оценки субъекта речи по отношению к адресату. В русском языке существуют различные способы для выражения эмоциональной оценки, например, морфологические и лексические средства. Экспрессивность обращений преимущественно выражается посредством морфологического состава слова (диминутивов) и метафорическими выражениями.

Свадебные причитания исполняются в конкретных свадебных обрядах и имеют определенную иллокутивную цель – помочь невесте и другим участникам свадьбы реализовать перестройку сети их межличностных и социальных отношений. В результате бракосочетания социальный статус группы людей подвергается изменению, которое заметно отражается в их номинации. Как отмечает С. Б. Адоньева, «переход от одного жизненного этапа к другому предполагал изменение общего обращения по имени», таким образом, «общество ратифицирует изменение статуса своего члена через изменение обращения к нему» [Адоньева, с. 258–265]. Коммуникативный стиль (выбор речевой стратегии говорящего) также отражает социальное положение и соотношение обоих собеседников, но обращение представляет собой эксплицитный указатель их общественных отношений и определяет способ их коммуникативного взаимодействия. Выбранное обращение не только характеризует позицию адресата в отношении говорящего, но и демонстрирует самоидентификацию говорящего, так как

социальные отношения характеризуются реципрокной связью.

Статистические и стилистические характеристики обращений в свадебных причитаниях Пинежья

Из имеющегося материала (всего 70 текстов причитаний) [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 29–127] мы отобрали все лексемы и словосочетания, выполняющие такие иллокутивные акты, как номинативный и вокативный, которые служат основным критерием для выделения обращения из потока высказываний. Статистические характеристики обращений таковы: всего насчитывается 57 причитаний, где используются обращения, что составляет 81,4% от общего числа текстов. Очевидно, что использование обращений в свадебных причитаниях частотно. Они обращены либо к родственникам невесты (30 причитаний), либо к самой невесте (2 причитания), либо к людям, которые находятся в близких, но не родственных отношениях с невестой (25 причитаний). В последнюю группу входят подружки, соседи, «бояре» (гости со стороны жениха), парни своей деревни. Среди них большинство причитаний (88% общего числа) посвящено подружкам и соседям. Адресаты, относящиеся к категории родни, включают в себя отца, мать, родителей вместе, брата, сестру, тётю и божатку (крестную). Среди них 12 причетов посвящено отцу невесты (40% общего числа).

При этом надо заметить, что при обращении к родственникам невеста чаще использует притяжательное местоимение *мой, моя*, исключение составляют только 3 причета (10% общего числа). Модель обращения невесты к адресатам-родственникам такова: (*личное местоимение*) + *притяжательное местоимение* + *прилагательное* + *термин родства*. Хотя местоимения *ты* и *вы* часто используются в обращении, но они иногда пропущены. Например:

*Уж родитель ты мой батюшка,
уж пожалей-ка меня да пожалуйста...* [Обрядовая поэзия Пинежья, с. 35];

*Уж и родима моя да мамонька,
Уж и пожила я у вас да покрасовалася,
Не видала я у вас, родима мамонька,
Как утренняя зоренька занимается...* [Там же, с. 37].

По отношению к неродственникам модель обращения получается иная: (*личное местоимение*) + *прилагательное* + *нарицательное существительное*. По сравнению с обращениями к адресатам-родственникам, здесь реже использовано притяжательное местоимение. Обращаясь к подружкам и соседям, невеста иногда использует

притяжательное местоимение *мои, моя*, что составило 36% общего числа этой группы (9 причитаний). Например:

Порядовны мои да соседушки,

Уж куда вы да сходили... [Там же, с 55]

Мы полагаем, что отмеченные выше характеристики не случайны. Притяжательное местоимение обычно указывает на определенное соотношение между субъектом и объектом: либо оба субъекта принадлежат к одному и тому же коллективу (например, семья, группа, община), либо объект-предмет относится к субъекту. В нашем исследовании речь идет именно о первом случае, когда субъект и объект относятся к одному и тому же коллективу. Так, родня и невеста объединены либо брачными отношениями, либо кровной связью; духовные родители и невеста объединены религиозными отношениями; подружки, соседи (девочки, молодые девушки, женщины) и невеста объединены половозрастными характеристиками. Таким образом, притяжательное местоимение можно считать указателем социальных отношений между невестой и адресатом.

По поводу характеристики адресата Б. К. Фирдевс отмечает следующие параметры: социальное положение; возраст; знакомство или родство; профессия и род занятий [Фирдевс, с. 75]. Невеста в свадебных причитаниях обычно характеризует себя следующим образом: 1. использованием лексем, обозначающих социальное положение: *красная девушка / девица, девушка, первоображная княгиня, княгиня Анна* и т. д.; 2. использованием прилагательных, обозначающих половозрастные характеристики и качество человека: *младая / молодая, малёхонька / молодешенька, глупенька / глупёхонька* и т. д.; 3. использованием метафорического выражения, которое способно вызывать симпатию аудитории: *белая лебедь, травиночка недорослая, цветочек непрощёлый, стать-то маленька, душа красная* и т. д.

В свадебных причитаниях обращения к отцу выражаются устойчивыми формулами и различаются по тому, в какой части высказывания они употреблены. В начальной позиции обращение выражается следующим образом: *родитель батюшка / татонька / татенька, родной батюшко, родимый / родимой татенька, тятенька, татонька*. В середине речи используется одинокое обращение *татенька / татонька*. Слово-сочетание *красное солнышко* устойчиво используется как метафорическое выражение образа отца невесты. Например:

Уж красное мое солнышко,

Уж родитель мой да татонька,

Уж вы на чего, татонька, обзарились,

Уж на чего да обнадеялись? [Обрядовая поэзия Пинежья, с 37]

Уж ты красное солнышко,

Уж родитель мой татенька,

Уж ты на что на меня рассердился,

Уж ты на что на меня прогневался? [Там же, с. 127]

Обращения к матери тоже различаются в зависимости от места расположения. В начальной позиции обращение часто выражается формулами *родимая мамонька / маменька / маменка*, а в середине речи – одиноким словом *маменька / матушка*. В качестве метафорического выражения для образа матери невесты обычно используется сочетание (*желанная*) *кормилица*:

Уж ты родима моя маменька,

Уж ты желанна да моя кормилица... [Там же, с 57]

Ты не радуйся, маменька,

Ты не сына женишь, маменька,

Не сноху берёшь – заменушку... [Там же, с 120]

Обращение к брату оказывается более многообразным, выражается формулами *родимый брателко, любимый брателко, добрый удалый молодец*. Соответственно, его метафорическое выражение – *сизый голубочек, ясный соколочек*. Обращение к родной сестре обычно выражается формулами *родимая сестрица / сестрицынька / сестричушка* и метафорическими выражениями *белая лебедь, сизая голубушка*. Приведем два примера:

Уж ты родимый мой да брателко,

Уж ты сизый да голубочек,

Уж ты ясный да соколочек,

Уж ты сходи-ка да на улицу,

Наколи-ка мелких дровец... [Там же, с 50]

Уж ты белая моя лебёдушка,

Родима да сестрица.

Уж вы пойдёте на ниву великую... [Там же, с 121]

Обращение к другим женским родственникам так же подобно обращению к матери, например, *родимая тётенька, родимая божаточка*.

Следует обратить внимание на причитания, посвященные подружкам и соседям. В этом случае обращение тоже отличается в зависимости от его позиции в предложении. В начальной позиции обращение оказывается комплексным, многословным, а в середине речи используется краткое обращение.

На основе сопоставительного анализа можно отметить, что обращение к подружкам демонстрирует либо половозрастные характеристики адресатов (*девушки / девицы, подруженьки да молоденьки* и т. д.), либо эмоциональную оценку

говорящего (*милые подружечки, полюбовные подружечки, дорогие подруженьки, девицы души красные, девушки да голубушки, порядовные суседушки* и т. д.), либо социальные отношения между ними (*подруженьки да сестрицыньки, женочки да соседушки, девицы да подруженьки, родимые соседушки* и т. д.).

Примечательно, что перлокутивный эффект речевых актов (реальные последствия) в свадебных причитаниях не совпадает с произнесением этих же самых актов в ситуации реального диалога. Функционирование перформативных высказываний обусловлено социальными конвенциями. В причитаниях перформативы перестают быть такими речевыми актами, каковые произносятся в реальной жизни. Как отмечает С. Б. Адоньева, «адресант причитаний вменяет адресату определенное действие, но известный коммуникативный прием перестает срабатывать» [Адоньева, с. 254].

Механизм воздействия свадебных причитаний тесно связан с их прагматическим предназначением – подготовкой невесты к переходу в новый социальный статус и разрушением установленных социальных отношений. Схема адресации причетного высказывания, выдвигаемая С. Б. Адоньевой, применима к анализу свадебных причитаний. Схема начинается с определения социальной позиции адресата по отношению к говорящему, таким образом адресату приписана роль агенса, соответственно, адресат получает власть контролировать ситуацию и изменять ее. Далее следуют различные речевые акты, характерные и типичные для свадебных причитаний, – экспрессивы, директивы. В самом конце следует определение себя говорящего через социальный или ритуальный статус [Там же, с. 256].

В свадебных причитаниях характерно использование диминутивов. Они в какой-то степени придают причитаниям лиричность, эмоциональность, сокращают дистанцию между коммуникантами, передают положительное отношение говорящего к адресатам, смягчают сердце адресатов, умиляют аудиторию при речевом воздействии. В этом отношении диминутивы имеют непосредственную связь с речевой тактикой. З. Рудник-Карват предлагает определение «побудительная функция» диминутивов [Рудник-Карват, с. 319–320]. Это деятельностная функция, связанная с иллокутивными целями и соответствующим перлокутивным эффектом. При диминутивах говорящий проявляет активное отношение к адресату, что побуждает последнего к действию.

Сопоставив число диминутивов в спонтанной речи белозеров и в их фольклорной речи (при-

четной, заговорной и частушечной), С. Б. Адоньева указывает, что по отношению к речи спонтанной число диминутивов в фольклорной речи значительно увеличивается [Адоньева, с. 267]. Широкое распространение диминутивов отчетливо ощущается также в свадебных причитаниях Пинежья. Для того чтобы объяснить распространение диминутивов в причитаниях, нам кажется, следует рассматривать, с одной стороны, семантические свойства диминутивов, с другой – прагматические (иллокутивные) функции их при коммуникации.

Если речь идет об иллокутивных функциях диминутивов в обращениях, то можно сказать, что они способствуют формированию общего взгляда у коммуникантов, так как при общении говорящий принуждает адресата разделить его позицию по отношению к предмету речи.

Как правило, диминутивы не только передают значение размера предмета, но и обозначают эмоционально-оценочное отношение говорящего к обсуждаемым предметам или адресату. Как отмечают М. В. Русакова и А. Ю. Русакова, уменьшительные суффиксы существительных могут выражать не только отношение говорящего к предмету речи, но и к слушающему. [Русакова М., Русакова А., с. 270–271]. В свадебном фольклоре как одном из словесных искусств народа диминутивы прежде всего передают не значение размера предмета, а функционируют в качестве стилистического приема, придающего причету лирическую окраску.

Чаще всего уменьшительно-ласкательные суффиксы могут использоваться в самих обращениях, например, в собственном имени: *Матрёнушка, Борисушка Михайлович* и т. д.; в терминах родства: *маменька, татенька, сестрицынька* и пр.; в нарицательных существительных: *подруженьки, соседушки* и пр.; иногда уменьшительно-ласкательные суффиксы используются в метафорических выражениях: *красное солнышко, сизонькой голубочек, ясенёвской соколочек, белая лебедушка* и т. д.

По мнению С. Б. Адоньевой, употребление диминутивов в разговорной речи часто связано с характером предъявления ситуации слушателю. Говорящий использует диминутивы тогда, когда он рассказывает о предметах, имеющих некое личное или непосредственное отношение к нему, и предлагает слушателю представить или увидеть фрагмент своей жизни его взглядами [Адоньева, с. 268–269]. В ситуацию коммуникации включается адресат, который непосредственно контактирует с говорящим в момент коммуникации. Таким образом, не случайно, что

особенно активно диминутивы используются в обращениях.

В общем, с одной стороны, выражая доброе расположение к адресатам, причетница (невеста) показывает близкие отношения между участниками свадьбы и собой, которые сложились и действуют до сватовства; с другой – безрезультативность речевых актов причетниц демонстрирует разрушение тех близких отношений, так как в обращениях воплощается пресуппозиция невесты о своем социальном статусе и имеющихся социальных отношениях. Неудача коммуникации, несоответствие перлокутивного эффекта с намерением говорящего подтверждают то, что его пресуппозиция о своем социальном статусе и социальных отношениях не совпадает с реальностью, с пресуппозицией участников свадьбы. Это непосредственно связано со сменой социального статуса невесты и трансформацией ее социальных отношений в период свадебных обрядов.

Выводы

В свадебных причитаниях широко используется обращение, которое относит пропозициональное содержание причитаний к обрядовой действительности. В функциональной плоскости обращения в свадебных причитаниях показывают различные социальные отношения между невестой и участниками свадьбы и трансформацию их социальных отношений.

Список литературы

Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 312 с.

Балакай А. А. Этикетные обращения: функционально-семантические и лексикографические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Новокузнецк, 2005. 24 с.

Кожухова Л. В. Речевой акт обращения // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 48. С. 80–85.

Кучинский Г. М. Диалог и мышление. Минск: Изд-во БГУ, 1983. 190 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

Нестерова Т. В. Прагматика обращений-антропонимов // Русский язык за рубежом. 2001. № 4. С. 14–20.

Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970–1972 гг.) / под ред. Савушкиной Н. И. М.: Изд-во МГУ, 1980. 280 с.

Проничев В. П. Метафорическое употребление слов в обращении // Некоторые вопросы лексики и грамматики русского языка и методики его преподавания иностранцам, 1970. № 4. С. 60–68.

Рудник-Карват З. О функциях уменьшительных и увеличительных существительных в тексте // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: изд-во Наследие, 1998. С. 319–320.

Русакова М. В., Русакова А. Ю. Русские диминутивы: Сочетаемость, функционирование, семантика: (К постановке проблемы) // Материалы конф., посвященной 90-летию А. Г. Десницкой. СПб.: изд-во Наука, 2002. С. 270–271.

Федулова У. М. Стилистические функции обращения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 1. С. 239–242.

Фирдевс Б. К. Обращение в современном русском языке: виды и функции // Вестник ВГУ. 2017. № 4. С. 74–76.

References

Adon'eva, S. B. (2004). *Pragmatika fol'klora* [The Pragmatics of Folklore]. 312 p. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU. (In Russian)

Balakai, A. A. (2005). *Etiketnye obrashheniia: funktsional'no-semanticheskie i leksikograficheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Etiquette Addresses: Functional-Semantic and Lexicographic Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. Novokuzneck, 24 p. (In Russian)

Fedulova, U. M. (2014). *Stilisticheskie funktsii obrashheniia* [Stylistic Functions of Appeal]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, No. 1, pp. 239–242. (In Russian)

Firdevs, B. K. (2017). *Obrashhenie v sovremennom russkom iazyke: vidy i funktsii* [Address in Modern Russian: Types and Functions]. Vestnik VGU, No. 4, pp. 74–76. (In Russian)

Kozhuhova, L. V. (2007). *Rechevoi akt obrashheniia* [Speech Act of Address]. Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. No. 48, pp. 80–85. (In Russian)

Kuchinskii, G. M. (1983). *Dialog i myshlenie* [Dialogue and Thinking]. 190 p. Minsk, Izd-vo BGU. (In Russian)

Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' (1990) [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 682 p. Moscow, Sovetskaiia entsiklopediia. (In Russian)

Nesterova, T. V. (2001). *Pragmatika obrashhenii-anthroponimov* [The Pragmatics of Anthroponymic Appeals]. Russkii iazyk za rubezhom. No. 4, pp. 14–20. (In Russian)

Obriadovaia poeziia Pinezh'ia (1980) [Ritual Poetry of Pinega]. 280 p. Moscow, Izd-vo MGU. (In Russian)

Pronichev, V. P. (1970). *Metaforicheskoe upotreblenie slov v obrashhenii* [Metaphorical Use of Words in Circulation]. Nekotorye voprosy leksiki i grammatiki russkogo iazyka i metodiki ego prepodavaniia inostrantsam. No. 4, pp. 60–68. (In Russian)

Rudnik-Karvat, Z. (1998). *O funktsiiakh umen'shitel'nykh i uvelichitel'nykh sushchestvitel'nykh v tekste* [About the Functions of Diminutive and Augmentative Nouns in the Text]. Liki iazyka: K 45-letiiu nauchnoi deiatel'nosti E. A. Zemskoi. Moscow, pp. 319–320. (In Russian)

Rusakova, M. V., Rusakova, A. Ju. (2002). *Russkie diminutivy: Sochetaemost', funkcionirovanie, semantika: (K postanovke problemy)* [Russian Diminutives: Compat-

ibility, Functioning, Semantics: (On the Problem)]. Materialy konf., posviashhennoi 90-letiiu A. G. Desnitskoi. St. Petersburg, pp. 270–271. (In Russian)

The article was submitted on 31.08.2021

Поступила в редакцию 31.08.2021

Ван Лолань,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9.
wluolan@qq.com

Wang Luolan,
graduate student,
Saint-Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Emb.,
St. Peterburg, 199034, Russian Federation.
wluolan@qq.com